

ВООРУЖЕННОЕ НАСИЛИЕ: ЯВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМА В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Развитие современной России, как и абсолютного большинства стран современной цивилизации, объективно и закономерно претерпевает на себе воздействие широкого спектра внешних и внутренних факторов самого разного характера – финансово-экономического, военно-политического, научно-технического, социально-демографического, информационного, нормативно-правового.

Безусловным и наглядным подтверждением тому служит мировой финансово-экономический кризис, охвативший в конце 2008 г. практически все человечество, все сферы жизни и деятельности людей планеты. Его размах и последствия лишний раз подчеркивают глобальность всего происходящего ныне в мире и, в том числе, обращают внимание на важность и значимость проблем обеспечения геополитической безопасности.

Издавна проблемы человечества решались с использованием вооруженного насилия. Под таковым следует понимать *крайнее средство и/или метод достижения определенными силами (субъектами) своих основных политических и иных целей, представляющее собой системное явление, проявляющееся в разных формах в конкретно взятом территориально-временном пространстве.*

Уже в первых, дошедших до нас источниках, повествующих о геополитических проблемах Древнего мира, зафиксирован факт применения вооруженного насилия. На обломках памятника, известного ныне как «Стела коршунов» мы можем наблюдать описание спора между правителями древних царств Уммы и Лагаша о границах их владений: «Уш, вождь Уммы, снес ранее установленную пограничную стелу, вышел на равнину Лагаша... полностью сразил своих врагов и установил пограничные камни там, где они стояли на равнине».¹

Произошло это в третьем тысячелетии до нашей эры. Безусловно, это не единственный случай упоминания и фиксирования подобных фактов в древнейшей истории. Со всей очевидностью напрашивается вывод о том, что вооруженное насилие есть явление историческое. Заметим, что представляется довольно трудным определить, когда понятие насилия вообще и вооруженного в частности вошло в лексикон и научный оборот. Обращение к истории политико-правовой мысли свидетельствует о том, что

¹ Цит. по: Волков Я.В. Геополитика и безопасность в современном мире. М., 2000. С. 13.

на первых порах большинство мыслителей обходилось без упоминания и употребления этих терминов. Они чаще апеллировали к таким аналогичным понятиям, как посягательство, надругательство, завоевание, конфискация, грабеж, убийство и, конечно, война. В современном понимании мы видим в них определенные формы вооруженного насилия. Наряду с ними сегодня более актуализированы такие формы вооруженного насилия, как революция и/или государственный переворот, агрессия, геноцид, бунт, мятеж, восстание терроризм, пиратство.

Что же касается понятия войны, то древние, обращаясь к нему, как правило, придавали ему не тот смысл, который оно имеет сегодня. Набеги, на другие племена, завоевательные походы, грабежи и т.п. не всегда были и есть сродни войне. Всем известное сегодня понимание войны по К. Клаузевицу так или иначе не теряет своей актуальности. Интерпретируя его к современным условиям, справедливо дополнить это понимание словами нашего соотечественника А. Е. Снесарева о том, что «объяснение войны было бы односторонним, если бы было опущено ее государственное толкование и значение».²

Безусловно, понятие войны и насилия можно представлять как синонимы, но это не одно и то же. С точки зрения логико-методологической аксиоматично то, что война есть одна из крайних форм вооруженного насилия. Аналогично нынче определяется терроризм, что в какой-то мере справедливо, поскольку он сегодня являет собой такую форму всеобщей угрозы для человечества, преодоление и ликвидация которой пока неподвластны силам мира, добра и социального прогресса. Вместе с тем, есть основания утверждать, что война наряду со всеми характеристиками предполагает особое состояние общества, до чего в силу объективных причин терроризм не «дотягивает».

Употребление понятия вооруженного насилия и многих производных от него и их соответствующая интерпретация с точки зрения исторической дает нам повод сконцентрировать внимание на некоторых моментах:

во-первых, в большинстве случаев упоминание о насилии так или иначе связывается, прежде всего, с волей и действиями власть имущего. Использование насилия в различных его проявлениях есть прерогатива того, кто занимает доминирующее положение в обществе, кому принадлежит власть, право и возможность управлять другими. То есть уже с момента своего зарождения оно обрело и носило явно выраженный политический характер и, как правило, подкреплялось соответствующим правовым обоснованием и оправданием;

во-вторых, понятие насилия в то историческое время часто ассоциируется с понятием зла. Это, например, характерно для законов Ману и

² Снесарев А.Е. *Философия войны*. М., 2003. С. 62

Хаммурапи, конфуцианства и «параллельных» с ним течений в истории политической мысли;

в-третьих, в древних источниках, дошедших до нас в качестве культурного достояния, представляется довольно трудным найти положения, прямо и непосредственно характеризующие насилие, уже в то время детерминированное разнообразными обстоятельствами.

Понятие насилия как научной категории начало оформляться довольно поздно, в последней трети XIX столетия. Связано это с именами Е. Дюринга, К. Каутского, Л. Гумпловича и, конечно, Ф. Энгельса, а в последующем В. И. Ленина. Что же касается вооруженного и/или военного насилия, то это произошло почти на сто лет позже.

При этом стоит подчеркнуть, что в отечественной литературе, особенно начиная с шестидесятых годов XX века, интересующее нас понятие употребляется напрямую и непосредственно оказывается в центре внимания исследователей. Что касается западных и особенно американских специалистов, то они в своих работах чаще употребляют понятие военной силы. Такой подход вряд ли оправдан, поскольку он, как нам, кажется, существенно сужает круг вопросов, связанных с реальной и объективной оценкой вооруженного насилия как феномена, прямо и непосредственно влияющего на геополитическую безопасность любого цивилизованного государства.

Конкретные факты проявления военного насилия мы видим на рубеже XX и XXI веков: достаточно вспомнить события в Ираке, Афганистане, Косово, на Северном Кавказе.

Обращаясь в качестве примера к событиям на Кавказе в августе 2008 г, со всей очевидностью убеждаемся в том, что со стороны всех участвующих в них субъектов имело место применение вооруженного насилия. Грузия, как известно, хотела посредством начала боевых действий и их последующей эскалации удовлетворить свои геополитические амбиции в соответствующем регионе. В этой ситуации Россия оказалась вынужденной применять адекватные меры, ввести на территорию Южной Осетии воинские формирования с последующим вступлением их в боевые действия, чтобы спасти от геноцида югоосетинский народ.

Б. Рассел в свое время подчеркивал, что «человечество постоянно делает одну и ту же ошибку, считая, что одни его части лучше или хуже других. Формы, в которые это выливается, разнообразны, но ни одна не имеет рационального основания».³ Что же касается России и предпринятых тогда ею мер, то рациональность и адекватность их объяснялась, по крайней мере, тремя обстоятельствами:

³ Рассел Б. *Эссе // Квинтэссенция: Филос. альманах (сост. Мудрагей И., Усанов В.И)* – М., 1995. – С.341.

– действия России были ответной мерой на начало боевых действий со стороны Грузии, подвергшей опасности жизни российских миротворцев и мирных людей;

– гуманитарной и политической оправданностью позиции, занятой тогда российским руководством, которая плюс ко всему была формально и юридически точно выверена;

– пропорциональностью и разумной достаточностью применения сил и средств в ходе вооруженного конфликта, охватившего соответствующий регион и длящегося определенное время.

Таким образом, несмотря на многовековые попытки умиротворить международное сообщество, избавиться от вооруженного насилия в различных его проявлениях, трудно предположить, когда это случится. В связи с этим, есть необходимость определенным образом оптимизировать его и сделать легитимным лишь как крайнее и юридически оправданное средство достижения целей. При этом вряд ли стоит абсолютизировать слова И. Канта о том, что «на том уровне культуры, до какого дошел человеческий род, война (читай вооруженное насилие – Р. Ф.) пока что является необходимым средством совершенствования, и только после завершения (Бог весть когда) этой культуры благодетельный вечный мир станет возможен для нас».⁴ Сегодня нет более важной для человечества задачи – приблизить это время и преодолеть вооруженное насилие как проблему, избавившись от него как явления.

⁴ Цит. по: Аснер П. *Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки*. Пер. с франц. С-Пб, 1999. С. 38.